

На улице было холодно, у больницы пронзительный ветер острыми лезвиями резал лицо Тун Ли. Вокруг сновали люди, но среди них не было Тун Пинчуаня.

Он словно... и впрямь потерял Тун Пинчуаня.

Тун Ли не помнил, как вернулся домой. Ноги казались сломанными, и только когда он дошел до знакомого переулка, осознал, где находится.

У входа белизной резала глаза припаркованная Бентли.

Заметив знакомый номер, Тун Ли сперва даже вздрогнул от волнения — по крайней мере, Лу Яньсюань еще не бросил его окончательно. Но в следующее мгновение ему стало страшно.

Тун Пинчуань запрещал ему заниматься подобным.

— Почему опять не берешь трубку? — Лу Яньсюань вышел из машины, излучая давящую, мрачную ауру.

Тун Ли ошоловелым взглядом посмотрел на него и лишь спустя какое-то время сообразил, что тот обращается к нему.

— Ох... телефон остался дома.

— Я ждал тебя у входа черт знает сколько, где ты был? — Лу Яньсюань сдерживал гнев, который казался готовой сорваться с цепи пружинной.

— А где я был, разве тебя касается? — Тун Ли опустил голову и принялся что-то шарить во внутреннем кармане пальто.

В ушах зазвучало сдавленное, яростное дыхание.

— Тун Ли, не испытывай мое терпение! — Лу Яньсюань рывком схватил Тун Ли за шиворот и единым взмахом руки впечатал его хрупкое тело в дверцу автомобиля.

Спина, которую накануне жестоко избил Тун Пинчуань, со всего маху врезалась в металл. Тун Ли от боли в глазах застлало темнотой, но эта же вспышка тут же привела его в чувство.

Тело самого Лу Яньсюаня тоже пронзила боль: от резкого движения шрамы на израненной, порванной в клочья коже под одеждой снова начали кровоточить.

Тун Ли до крови закусил губу, сжав в кулаке банковскую карту, и протянул ее прямо перед собой:

— Лу Яньсюань, здесь ровно два миллиона сто тысяч. Я... возвращаю их тебе, пожалуйста, больше не приходи ко мне.

Лу Яньсюань на мгновение потерял дар речи, хватка на руке Тун Ли ослабла.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного. Просто... я хочу расторгнуть сделку. — Сглотнув застрявшие в горле слезы, Тун Ли поднял голову и слабо улыбнулся. — Ты ведь ничего не теряешь: я бесплатно отдавался тебе столько раз, считай, это было бонусом.

— Почему? — Лу Яньсюань с болью во взгляде смотрел на карту, не пытаясь ее взять. — Разве я плохо к тебе относился?

Всего несколько дней назад они еще спали в обнимку, вырезали друг у друга имена под деревом желаний и переплетались телами среди цветочных полей.

Он не нужен ему, но нужен мне.

— Ты злишься на меня? Из-за того, что я не звонил тебе эти дни?

Глубокие глаза Лу Яньсюаня смягчились. Он не связывался с Тун Ли лишь потому, что тогда его тело ломило так сильно, что он не мог подняться с постели.

— У меня нет права злиться на тебя.

Голос юноши звучал абсолютно безжизненно.

— Забери карту обратно. То, что я, Лу Яньсюань, отдал кому-то, назад не забираю.

Лу Яньсюань выхватил карту из руки Тун Ли и сунул ее обратно ему в карман.

На тыльной стороне ладони Тун Ли большие потеки крови уже превратились в безобразные корочки.

Убегая из больницы, он слишком спешил — вытащил иглу из вены и больше о ней не вспоминал. Кровь сочилась и сочилась, заливая почти всю кисть.

Заметив это только сейчас, Тун Ли инстинктивно попытался спрятать руку в рукав.

— Что с твоей рукой?

Лу Яньсюань резко перехватил руку Тун Ли, пытаясь ее отдернуть, и разглядел запекшуюся кровь.

— Пустяки, после капельницы забыл прижать ватку... Извини, мне действительно нужно домой, Тун Пинчуань ждет меня...

Тун Ли попытался ускользнуть, но Лу Яньсюань снова поймал его, прижав хрупкое тело к груди и заключив в крепкие объятия. Еще не зажившая рана на груди Лу Яньсюаня через слой одежды соприкоснулась с телом Тун Ли, от жесткого сжатия заныла так сильно, что выступили капли крови, но он и не думал разжимать руки.

— Я заходил к тебе домой, твоя ма... твой отец вообще уехал! — Лу Яньсюань чуть не проговорился. В тот вечер Тун Ли выложил ему всю правду, но лишь потому, что был мертвецки пьян и не отдавал отчета своим словам.

— Отпусти меня, ты... отпусти! — Тун Ли забился в его объятиях, из глаз брызнули слезы.

— Ты хочешь вернуть деньги и разорвать сделку из-за того, что... он бросил тебя? А? Твой дом пуст, там ни души...

Сначала Лу Яньсюань думал, что Тун Ли согласился на сделку из-за уговоров самого Тун Пинчуаня: мол, заработает два миллиона, и тот перестанет заниматься грязным ремеслом.

Но теперь казалось, что здесь что-то пошло не так.

Скукожившись в его объятиях, юноша крупно дрожал. Помолчав секунду, он словно понял, что его раскусили, и забился с еще большей яростью:

— Не твое дело, отпусти меня!

Тун Ли приоткрыл рот и острыми клыками изо всех сил впился в плоть на груди Лу Яньсюаня. Кровь пропитала плотную черную рубашку с начесом, хотя снаружи это было почти незаметно.

— Он тебя бросил...

— А ты мне нужен. Длинный зелёный переулок погрузился в тишину, от него веяло мраком. Уличные фонари вдруг зажглись — наступила ночь.

Прижатый к груди Тун Ли перестал сопротивляться, спрятав невидящее лицо в объятиях Лу Яньсюаня. Его тело вздрагивало от рыданий, исторгаемых слезными железами.

Тун Ли всегда говорил, что они из разных миров, но Лу Яньсюань чувствовал, что они всегда принадлежали к одному миру.

Две совершенно одинаковые конфеты: одна завернута в самую обычную обертку, другая — в роскошную бумагу с золотым тиснением. Однако если развернуть их и положить в рот, вкус окажется абсолютно одинаковым.

— Ну и заноза же ты, а ведь так жалко тебя.

Время замерло, Тун Ли тихо лежал в объятиях Лу Яньсюаня, разжав зубы. Эти объятия манили и успокаивали, его израненное сердце словно обрело утешение.

Лу Яньсюань жалеет его?

Но... почему?

— Я отвезу тебя домой.

— Домой? — Тун Ли заторможенно посмотрел на железную калитку в глубине переулка. Она была не заперта, ветер трепал створку, издавая скрипящие звуки.

Тун Ли словно воочию увидел картину: как прошлой ночью Тун Пинчуань, держа в руках потерявшего сознание юношу, отвез его в больницу, а затем ушел один.

Дом? Разве у него еще остался дом?

Когда Тун Пинчуань обнаружил на его шее следы от поцелуев, Тун Ли сразу понял, что тот больше никогда не примет его. Этот пустой дом казался обителью призраков, которые шептали ему прямо в уши жуткие слова, призывая этого урода прекратить бессмысленную борьбу за жизнь.

Лу Яньсюань легко коснулся губами лба Тун Ли и уже собирался перенести его в машину, как вдруг глаза юноши затуманились, тело потеряло опору, и он рухнул вниз...

В светлой комнате врач и медсестра с тревожными лицами занимались остановкой кровотечения и перевязкой Лу Яньсюаня, сидевшего на диване.

— Молодой господин, я же говорил вам: ваше тело еще не восстановилось, вам нельзя выходить.

Лосы держал в руке смоченный противовоспалительным средством ватный тампон и мазками обрабатывал сочащуюся кровью грудь Лу Яньсюаня.

Раны, которые после нескольких дней отдыха уже начали затягиваться, снова разошлись, и из них сочилась мутная желтоватая сукровица.

На полу валялась испачканная кровью черная рубашка.

Лицо Лу Яньсюаня было мертвенно-бледным, он до крови закусил побегувшие губы.

— Как Сяо Ли?

Лосы нахмурился: ему хотелось заставить Лу Яньсюаня сначала позаботиться о собственном здоровье, но, поймав его убийственный взгляд, врач поспешно проглотил готовые сорваться с языка слова.

— Судя по всему, Сяо Ли избили — всё его тело покрыто синяками и кровоподтеками, сильнее всего пострадала спина. На руках есть следы от царапин, к счастью, неглубокие. Похоже, он уже два дня ничего не ел, я только что поставил ему капельницу с питательным раствором, скоро он должен прийти в себя.

Медсестра закончила перевязку Лу Яньсюаня, и стоявший рядом почкообразный лоток доверху заполнился испачканными кровью тампонами.

— Как только он очнется, немедленно позовите меня.

Лосы протянул болеутоляющие таблетки, и Лу Яньсюань с каменным лицом проглотил их.

Лу Яньсюань понятия не имел, что именно произошло между Тун Пинчуанем и Тун Ли, но он чувствовал: Тун Пинчуань ужасно обращается с парнем.

Когда Тун Ли тогда напился, он тоже говорил ему, что Тун Пинчуань — величайший злодей на свете.

Насколько же сильно нужно ненавидеть Сяо Ли, чтобы проявить такую жестокость?

Даже Лу Юаньли, подвергнув Лу Яньсюаня наказанию по семейному кодексу, велел принести лекарства, пусть даже те мази Лу Яньсюань и смыл в унитаз.

В следующий раз, если он, Лу Яньсюань, встретит Тун Пинчуаня, он обязательно как следует проучит его ради Сяо Ли.

Часы тикали, стрелки быстро приближались к десяти вечера.

Тун Ли лежал в спальне Лу Яньсюаня, тусклый свет застилал глаза пеленой. Тун Ли чувствовал, что зрение еще не до конца вернулось к нему: едва открыв глаза, он сквозь мутную пелену увидел человека в белом халате, выходящего из комнаты.

— Передайте молодому господину, что Тун Ли очнулся. — Лосы постучал в дверь гостевой спальни, и оттуда выглянул дворецкий Эйви.

Лу Яньсюань уложил Тун Ли в своей собственной спальне, а сам отправился перевязывать раны в гостевую комнату. Лосы прекрасно понимал: этот Тун Ли невероятно важен, поэтому, как только парень пришел в себя, он тут же бросился с докладом.

— Тсс! Потихе, молодой господин только что заснул... — дворецкий Эйви попытался закрыть Лосы рот рукой, но было явно поздно.

Сзади раздался легкий шорох открывающейся двери. Лу Яньсюань в распахнутой пижаме вышел наружу и холодно покосился на Эйви:

— Я слышал.

— Ужин мне в комнату.

— Слушаюсь, молодой господин.

Эйви с улыбкой проводил взглядом Лу Яньсюаня, скрывшегося в спальне. В тот самый миг, когда дверь закрылась, вежливая улыбка на лице джентльмена мгновенно сменилась грозовой тучей.

— Лосы, обычно за тобой слова не вытянешь, а сегодня язык так и трещит.— Благодарю за похвалу. — Лосы совершенно не уловил насмешки в словах Эйви.

— Молодой господин еще до конца не оправился, и если что-то пойдет не так, я непременно доложу старому господину и накатаю на тебя жалобу!

Лосы растерянно хлопал глазами:

— Но ведь молодой господин сам велел мне присматривать за Тун Ли и звать его, стоять тому лишь очнуться.

— Ты разве не знаешь, что, стоит молодому господину увидеть одноклассника Сяо Ли, он теряет над собой контроль? Если из-за того, что молодой господин еще не исцелился, он выдохнется вусмерть, я посмотрю, что ты тогда станешь делать!

— Тогда, может, прописать молодому господину укрепляющее отвар?

— Лучше побереги его для себя!

Тун Ли чувствовал, что у него болит буквально каждое тело, словно все кости разом рассыпались.

В тот самый миг, когда сознание вернулось к нему, Тун Ли понял: сейчас он лежит в спальне Лу Яньсюаня. Знакомый запах, знакомая обстановка.

Это Лу Яньсюань привез его сюда?

В голове у Тун Ли отдавались эхом слова, сказанные ему Лу Яньсюанем перед тем, как он потерял сознание:

Тун Пинчуань не хочет тебя, а я хочу.

— Сяо Ли, ты проснулся.

Тун Ли приподнял уставшие веки, и знакомая фигура постепенно приблизилась. Увидев лицо Лу Яньсюаня, Тун Ли почему-то почувствовал, как сердце сжалось от обиды.

— Выспался? Все еще хочешь спать?

— Проголодался? Чего бы тебе хотелось? Я попрошу повара приготовить.

— Тело все еще болит? Лосы говорит, что ты весь в синяках.

.....

Тун Ли изо всех сил покачал головой, в угольках его глаз заблестела влажная дымка, которую он с трудом заставил себя сдержать.

— Что такое? Тело всё еще невыносимо болит? Подожди, я позову Лосы...

Лу Яньсюань уже поднялся, собираясь уйти, но тонкая белая ручка вдруг ухватила его за большую ладонь, не позволяя двинуться с места.

— Лу Яньсюань, почему ты... так хорошо ко мне относишься?

Напряженное выражение на лице Лу Яньсюаня сменилось расслабленной, облегченной улыбкой.

Он и сам очень хотел бы узнать почему. Если бы дело было лишь в том, что их судьбы с Тун Ли так похожи, он бы просто испытывал к нему жалость;

однако, видя, как Тун Ли страдает от боли, его собственное сердце тоже сжималось от тревоги; видя улыбку Тун Ли, его собственные заботы, казалось, временно исчезали. Всякий раз, вспоминая те несколько дней в Личэне, он просыпался по ночам с улыбкой.

— А ты? Почему ты тоже так хорошо ко мне относишься?

Лу Яньсюань указал на бьющееся сердце Тун Ли.

Когда он болел, Тун Ли неотступно дежурил у его постели; когда они бегали среди цветных полей Личэня, он нарочно упал, а Тун Ли попытался подставить свое хрупкое тельце, чтобы смягчить его падение.

— Я... — Тун Ли смущенно опустил голову. Он вовсе не считал, что так уж хорошо относится к Лу Яньсюаню.— Сяо Ли, скажи мне, это Тун Пинчуань оставил тебе эти раны?

В глазах Тун Ли мелькнула вспышка боли, и он отвел взгляд от устремленного на него Лу Яньсюаня:

— Я сам случайно поранился.

Лицо Лу Яньсюаня нахмурилось. Он не ошибся в догадках: дело действительно было связано с Тун Пинчуанем.

— Сяо Ли, оставайся здесь со мной. Раз уж Тун Пинчуань поднимает на тебя руку, тебе больше

незачем возвращаться в тот дом. Теперь твой дом здесь.

Тун Ли с неверием смотрел на Лу Яньсюаня. В его взгляде читались и тронутость, и глубокая тоска.

Ему очень хотелось сказать Лу Яньсюаню, что на самом деле Тун Пинчуань очень любит его. Тун Пинчуань был величайшим злодеем на свете, но для Тун Ли он оставался единственным близким человеком — особенным и незаменимым.

Слова уже вертелись на кончике языка, но Тун Ли снова не знал, как их произнести.

То, что было между ним и Тун Пинчуанем, невозможно было объяснить парой фраз.

Тун Ли ненавидел Тун Пинчуаня, но он также любил его. Точно так же, как и сам Тун Пинчуань, который каждый день грозился задушить Тун Ли собственными руками, но, услышав весть о том, что Тун Ли попал в автокатастрофу, всё равно помчался назад, потеряв рассудок от ужаса.

— Спасибо, — обессиленно проговорил Тун Ли, теребя одеяло.

Служанка принесла ужин. Небольшой столик, который можно было поставить прямо на кровать, ломился от изысканных блюд.

У Тун Ли совершенно не было аппетита, но Лу Яньсюань стал сам кормить его ложка за ложкой, заставив съесть довольно много.

Тун Пинчуань, несмотря на свою тяжелую болезнь, ушел неизвестно куда. Тун Ли пережевывал пищу во рту, и она казалась ему безвкусной, словно воск.

Еда на столике была наконец съедена почти подчистую. Лу Яньсюань взял белую салфетку и бережно вытер уголки рта Тун Ли от оставшихся крошек.

После ужина Тун Ли набрался храбрости и робко спросил:

— Яньсюань... ты можешь помочь мне найти Тун Пинчуаня?

Когда человек оказывается в безвыходном положении, его бесстыдство возрастает — Тун Ли чувствовал, что сейчас дело обстояло именно так.

— Зачем он тебе понадобился? — Лицо Лу Яньсюаня закономерно помрачнело.

Тун Пинчуань был шлюхой мужского пола, целыми днями кувыркавшимся в чужих постелях. Он ясно договорился с собственным сыном, что перестанет заниматься продажей тела, как только сын заработает два миллиона, но в итоге так и не исправился. Он избил Тун Ли до такого состояния и в грош не ставил его как родного сына! Волк в горле Тун Ли горчил, он сухим смешком ответил: — Ничего, просто хотел узнать, где он.

Происходящее доказывало: просить о помощи Лу Яньсюаня было ошибкой.

Бросив взгляд на часы и заметив, что уже за полночь, Тун Ли только сейчас осознал, как долго пробыл здесь. В панике он схватил одежду, натянул её и уже собирался слезть с кровати.

— Ты куда?

— Я... уже слишком поздно, мне пора домой.

Как бы то ни было, тот полуразрушенный маленький домик — единственное место, где он должен находиться.

А вдруг, если он будет сидеть и ждать... завтра Тун Пинчуань вернётся?

— Ты что, не расслышал, что я сказал? Отныне ты можешь жить здесь.

Лу Яньсюань попытался уложить Тун Ли обратно, но тот проявил неожиданную твердость. Вспомнив о ранах на теле Тун Ли, Лу Яньсюань не смел применять грубую силу и просто смотрел, как тот прямо перед ним одевается и обувается.

Глядя на спину уходящего из комнаты Тун Ли, Лу Яньсюань почувствовал, как в груди беспричинно поднимается глухое раздражение, и последовал за ним.

Лу Яньсюань вполне мог бы силой заставить Тун Ли остаться, но он знал: насильно мил не будешь.

— Уже поздно, я отвезу тебя.

Тун Ли не стал возражать. Он сел в машину Лу Яньсюаня, и тот лично довёз его до самого порога.

— Яньсюань, спасибо тебе, правда. — Тун Ли опустил голову и вытащил из кармана режущую глаза банковскую карту.

Однако не успел он вытянуть руку из кармана, как Лу Яньсюань резко отстегнул ремень безопасности и намертво прижал его запястья к сиденью, лишив всякой возможности пошевелиться.

— Я не намерен повторять дважды, Сяо Ли.

В его глазах отражался пламенный свет — манящий и кровожадный, казалось, подбрось ещё хоть искру, и он сожрёт его здесь живьём, не оставив и следа.

— Понятия не имею, что у тебя в голове. Раз уж ты так рвёшься жить в своей лачуге — валяй, я не стану тебя удерживать. Но запомни... с того самого момента, как я вошел в твоё тело, мы больше никогда и ни за что не станем чужими людьми.

Воздух в салоне словно накалился. Зафиксировав голову Тун Ли рукой, Лу Яньсюань впился в

его припухшие губы глубоким поцелуем.

Слёзы, которые Тун Ли так долго сдерживал, в этот миг окончательно прорвали плотину.

Лу Яньсюань стёр слёзы с уголков его глаз, но новая пелена тут же покатилась по щекам. Он будто состоял из воды — стоило чуть сильнее сжать, как тут же брызнули капли.

— Завтра я за тобой заеду.

— Куда-то поедет? — Тун Ли уставился на Лу Яньсюаня покрасневшими глазами.

Лу Яньсюань с облегчением выдохнул: такой ответ означал, что Тун Ли всё же не отверг его.

— Разве нельзя навестить тебя просто так?

От этих слов атмосфера мгновенно стала двусмысленной.

— Я... я не это имел в виду.

Тун Ли вышел из машины, попрощался с Лу Яньсюанем и посмотрел на уходящий в темноту бездонный переулок. Окна его дома были темными — это значило, что Тун Пинчуань еще не вернулся.

На душе у Тун Ли царил полный хаос. Порой ему действительно хотелось перестать нянчиться с Тун Пинчуанем.

Вспомнив последние кадры вчерашнего дня, когда Тун Пинчуань бросил его, Тун Ли на мгновение даже подумал о том, чтобы покончить с этой паршивой жизнью.

Но именно в этот момент кто-то вот так крепко обнял его и сказал: мать от тебя отказалась, а я, Лу Яньсюань, нет.

Лу Яньсюань был подобен лучу света. Сперва он мерцал лишь крошечным огоньком в самом уголке сердца, но сам того не замечая, Тун Ли обнаружил, что этот свет становится всё ослепительнее.

Если однажды Тун Пинчуань исчезнет по-настоящему, станет ли этот человек причиной, по которой он продолжит жить?

В мрачном переулке людей не разглядеть, зато оттуда прекрасно видно всё, что происходит снаружи. Пройдя полпути, Тун Ли рассеянно обернулся и заметил, что машина Лу Яньсюаня всё ещё стоит под уличным фонарем возле входа.

Опустив стекло, Лу Яньсюань отрешенно смотрел в сторону окон Тун Ли.

С того места, где он стоял, комнату Тун Ли было видно как на ладони. Он ждал, пока там зажжётся свет, и только потом собирался уехать.

Вернувшись в Особняк Лу, он почувствовал, что в спальне, кажется, всё ещё витает неповторимый аромат тела Тун Ли.

Лу Яньсюань схватил простыню, на которой лежал Тун Ли, прижал к груди и глубоко вдохнул. Ему всё казалось мало.

С каких это пор он, привыкший без повода устраивать истерики, тоже научился действовать так осторожно? И даже начал заботиться о чужих чувствах?

Неужели это и есть симпатия? Или же...

Любовь?

— Молодой господин, вызывали?

Обернувшись на голос, он увидел Эйви, который почтительно замер у порога.

— Эйви, мне нужно, чтобы ты коекого нашёл. — Лу Яньсюань отпустил простыню и аккуратно застелил постель.

— Кого?

— Тун Пинчуаня.

В глазах Эйви мелькнуло понимание; слегка улыбвшись, он вышел из комнаты.

Утренний свет выдался на редкость слепящим. На проводах тесно рядились воробьи, наслаждаясь столь редкой в разгар зимы солнечной ванной.

<http://bllate.org/book/22277/2332190>